

Р.Ю. Белькович

доцент кафедры теории
права и сравнительного
правоведения
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики», кандидат
юридических наук

Существует ли обязанность подчиняться закону¹

Статья посвящена проблеме политического обязательства, под которым понимается (спорная) обязанность лица, находящегося в рамках территории государства, подчиняться правовым предписаниям аппарата власти данного государства (чаще всего принимающих форму писаного права). Статья содержит обзор и критический анализ основных теорий политического обязательства, представленных в зарубежной юридической доктрине.

Ключевые слова: политическое обязательство; легитимность; легальность; принуждение; власть; подчинение.

В основе действия права как реально функционирующей нормативной системы лежит ключевая характеристика обязательности. В этом смысле вопрос, вынесенный в название статьи, имеет однозначный ответ: безусловно, с точки зрения внутренней логики нормативной системы, обязанность подчиняться закону² существует. Однако в этом «замкнутом», «системном» смысле обязательными являются все существующие системы правил поведения.

Совершенно бессмысленным являлось бы действие норм, не имеющих обязанного им следовать адресата. Правила регби являются обязательными для игроков в регби, правила частного яхт-клуба являются обязательными для его членов, нормы канонического права являются обязательными для воцерковленных. Все эти нормативные системы содержат предписания той или иной степени детализации, внутренней связности и непротиворечивости, обращенные к тому или иному адресату. Более того, все эти системы в той или иной форме описывают субъекта, к которому они обращены. Например, правила спортивных соревнований описывают круг лиц, которые могут принять в них участие.

Тем не менее, мы вряд ли можем сказать, что сами правила есть то, что делает лицо участником отношений, урегулированных этими правилами. Лицо *сначала* становится субъектом взаимодействия и лишь в силу этого попадает в сферу нор-

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0085 «Природа политического обязательства: индивидуальный суверенитет и проблема легитимности государственной власти» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

² В рамках настоящей статьи понятие «закон» используется в широком смысле, включающем все нормативные предписания, создаваемые государством и подкрепленные возможностью применения мер принуждения в отношении нарушителя.

мативной системы, данное взаимодействие опосредующей. Так, например, человек *сначала* проходит процедуру регистрации на соревнованиях, и только после этого к нему применимы соответствующие нормы.

Все эти достаточно очевидные соображения мы приводим исключительно для того, чтобы подчеркнуть отсутствие непосредственной связи между содержанием системы абстрактных предписаний и обстоятельствами, порождающими необходимость приведения лицом своих действий в соответствие с требованиями этой системы.

Этот тезис в равной степени применим к любым нормативным системам, в том числе и к праву³. Существование национальной системы права само по себе есть такой же нейтральный для наблюдателя факт действительности, как и существование правил яхт-клуба. У нас нет никаких рациональных причин априори полагать, что установленная конкретным государством совокупность норм является системой, которой мы лично должны подчиняться. Факт нашей принадлежности к этой системе (т.е. наша субъектность в ее рамках) не может вытекать из логики самой этой системы. Мы должны установить те обстоятельства, которые позволили бы нам утверждать о наличии у нас обязанности руководствоваться соответствующими нормами.

Как и в случае с правилами регби, в данном контексте для нас совершенно не имеет значения содержание этих правил: игрок действует в соответствии с правилами не потому, что эти правила справедливы или ведут к добродетели, а лишь потому, что он добровольно согласился им подчиниться. Принятие индивидом той или иной нормативной системы в качестве основы своего поведения предполагает своеобразную замену собственного рассуждения о должном на суждение, заложенное в этой системе (независимо от того, насколько разумным является последнее). Именно в этом и состоит нормативный смысл предписаний — требование от индивида вести себя определенным образом, невзирая на собственную точку зрения по этому поводу. Если в каждом конкретном случае субъект оценивает рациональность требований нормативной системы и принимает решение о своем поведении, сравнивая эти требования со своими собственными соображениями, то нельзя говорить, что нормы, входящие в эту систему, являются для него действительно обязательными.

Безусловно, в любой нормативной системе заложены механизмы влияния субъекта на состав правил, в нее входящих. Например, правила Международного совета футбольных ассоциаций предусматривают процедуры внесения изменений в них, а Конституция Российской Федерации содержит указание на порядок принятия поправок. Однако все это имеет смысл только в случае заведомого признания субъектом обоснованности требований самих этих норм.

Под обоснованностью требований в данном случае понимается не разумность их содержания, а наличие права у соответствующего лица их предъявлять. Так, представитель ФИФА или регбийный судья, требующий от игрока определенного способа ведения игры на поле, является полномочным в этом отношении в том случае, если игрок принял решение играть по соответствующим правилам, а не на том основании, что эти правила позволяют сделать игру наиболее зрелищной и безопасной.

Особенностью норм права, однако, является то, что они постулируются в качестве *общеобязательных*, т.е. государство требует подчинения этим нормам от всех лиц,

³ Под которым мы понимаем здесь право позитивное.

находящихся на территории, подконтрольной данному государству. Однако сам по себе факт существования государства на территории нашего проживания является лишь обстоятельством, которое мы принимаем во внимание и оцениваем при принятии решения о том или ином типе поведения. И требования государства мы можем и должны рационально оценивать на предмет их обоснованности в той же степени, что и требования любых других субъектов. Эти требования не могут быть априори признаны справедливыми — мы должны сначала выявить обстоятельства, позволяющие говорить о том, что нормы права являются обязательными лично *для нас*.

Для объяснения сути поставленного вопроса приведем аналогию из области правоотношений. Если мы рассмотрим право государства требовать от индивида подчинения нормативным предписаниям как субъективное право, а обязанность индивида подчиняться — как субъективную обязанность, то вопрос заключается в том, что является основанием возникновения данного правоотношения. Совершенно ясно, что в данном качестве не могут выступать нормы права, поскольку их юридическая сила является *следствием* такого «первичного» правоотношения. Таким образом, основанием его возникновения могут быть только некоторые «первичные» юридические факты

В качестве ответа нас, безусловно, не может удовлетворить ссылка на наличие у государства механизмов принуждения, гарантирующих возможность осуществления насилия в отношении лиц, отказывающихся от соблюдения требований норм права. Государство претендует на наличие у него публичной политической власти, которая не может сводиться к совокупности актов принуждения. В этом состоит отличие подобной власти от требований грабителя или насильника (во втором случае подчинение не связано с признанием легитимной системы норм). Насилие во втором случае является основой взаимоотношения, государство же рассматривает насилие как крайнюю меру, применяемую именно вследствие существования легитимной системы требований⁴.

Также следует отличать подчинение от соответствия: индивид может, взвесив все обстоятельства, прийти к решению о недопустимости для себя применения насилия в отношении других лиц. Его поведение, основанное на этом самостоятельном решении, может соответствовать предписаниям норм права, но это вовсе не означает, что такой индивид, воздерживаясь от насилия, подчиняется требованиям этих норм. В действительности он подчиняется требованиям своего собственного разума, не зависящим от правовых предписаний. Выше мы отмечали, что вхождение в нормативную систему означает как раз отказ от принятия собственных решений в той сфере, в которой поведение урегулировано соответствующими нормами.

Таким образом, вопрос, поставленный нами в самом начале, не является внутренне противоречивым — по сути, это ключевой вопрос для юриспруденции. Нормы права действительно являются обязательными (как и любые другие нормы), но вопрос состоит в том, являются ли они *общеобязательными*. Более обстоятельно этот вопрос можно сформулировать следующим образом: существуют ли

⁴ При этом мы допускаем позицию, в соответствии с которой государство действительно есть всего лишь форма организованного насилия, осуществляемого одной группой лиц над другой. Однако в этом случае ни о какой обязательности норм права для рационального индивида не может быть и речи, что, на наш взгляд, не требует дополнительных объяснений.

рациональные причины полагать, что государство обладает правом требовать от *всех* лиц, находящихся на соответствующей территории, подчинения установленным им нормам, а соответствующие лица — корреспондирующей обязанностью этим требованиям подчиняться. Эту обязанность в зарубежной литературе принято обозначать термином «политическое обязательство»⁵.

* * *

Начиная с 60-х годов XX в. в зарубежной литературе наличие политического обязательства у индивида было поставлено под сомнение⁶. Одной из первых работ, задавших тон обсуждению, стала статья Ричарда А. Вассерстрома (Стэнфордский университет) «Не подчиняясь закону»⁷, в которой он обосновал правомерность и значимость вопроса, обязан ли гражданин подчиняться закону по той только причине, что это закон.

Попытки ответа на данный вопрос сформировали массив полемической литературы, авторов которой в целом можно отнести к двум основным направлениям — сторонники политического обязательства и его противники.

Прежде всего следует выделить направление, представители которого обосновывают отсутствие у граждан политического обязательства⁸. Причем часть авторов вообще отрицают возможность его существования. К ним относится, прежде всего, профессор Колумбийского университета Роберт Пол Вольф, опубликовавший в 1970 г. монографию «В защиту анархизма»⁹. В ней он занял радикальную позицию, заявив о принципиальной невозможности существования политического обязательства ввиду несовместимости автономии личности и государственной власти.

⁵ Термин «политическое обязательство» является дословным переводом словосочетания *political obligation*. Англоязычный вариант в настоящее время — это устойчивое выражение, обладающее однозначной трактовкой в мировой науке на протяжении около 50 лет. Первые случаи использования данного термина отмечаются уже во второй половине XIX в. См., напр.: *Brough J., Ritchie D.G., Stout G.F.* Symposium — Is Human Law the Basis of Morality, or Morality of Human Law? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 2. № 2. 1892—1893. P. 120—131; *French F.C.* The Concept of Law in Ethics // *The Philosophical Review*. Vol. 2. № 1. 1893. P. 35—53; *Green T.H.* Lectures on the Principles of Political Obligation. L., 1895; *Ritchie D.G.* Contributions to the History of the Social Contract Theory // *Political Science Quarterly*. Vol. 6. № 4. 1891. P. 656—676; *Whittaker T.* Individualism and State-Action // *Mind*. Vol. 13. № 49. 1888. P. 52—62 и др.

⁶ Следует отметить, однако, что сама проблема является значительно более древней. Первые попытки ее осмысления можно обнаружить уже в диалоге Платона «Критон», содержащем апологию политического обязательства. См.: *Платон*. Критон / Сочинения в четырех томах. Т. 1. СПб., 2006. Противоположную сторону дискуссии в древнем мире занимали софисты. См., напр.: *Лурье С.Я.* Предтечи анархизма в Древнем мире. М., 1926. Особую остроту вопрос приобретает начиная с XVI в., в период становления национальных государств и возникновения идеи территориально понимаемого суверенитета.

⁷ См.: *Wasserstrom R.A.* Disobeying the Law // *The Journal of Philosophy*. Vol. 58. № 21. 1961. P. 641—653. В доработанном виде впоследствии опубликована как: *Id.* The Obligation to Obey the Law // *U.C.L.A. Law Review*. Vol. 10. № 4. 1963. P. 780—807.

⁸ Наиболее авторитетными работами этой группы остаются: *Green L.* The Authority of the State. Oxford, 1988; *Raz J.* The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford, 1979; *Simmons A.J.* Moral Principles and Political Obligations. Princeton, 1979; *Smith M.B.E.* Is there a Prima Facie Obligation to Obey the Law? // *Yale Law Journal*. Vol. 82. 1972. P. 950—976; *Wolff R.P.* In Defense of Anarchism. N.Y., 1970; *Woolley A.D.* Law and Disobedience. L., 1979.

⁹ *Wolff R.P.* Op. cit.

Другие авторы перечисляют условия, позволяющие говорить об обязанности граждан подчиняться закону, но указывают на то, что реалии современных государств далеки от воплощения этих требований в жизнь¹⁰. Это направление в современной литературе обозначается термином «философский анархизм»¹¹. Философским он является в том смысле, что, в отличие от анархизма политического, не представляет собой доктрину, призывающую к немедленной ликвидации государства. Философский анархизм только указывает на отсутствие априори обязанности подчиняться требованиям закона, но допускает при этом возможность выполнения государством общественно полезных функций¹².

Именно с позиций этого течения мы проанализируем взгляды сторонников политического обязательства. Разные типы предлагаемых ими аргументов позволяют классифицировать теории политического обязательства, выделив несколько условных групп. К ним можно отнести ассоциативные теории, теории честной игры, теории справедливости и транзакционные теории.

Перед тем как перейти к рассмотрению и критике современных теорий политического обязательства, следует обратить внимание на некоторые методологические установки нашего исследования.

Прежде всего следует оговориться, что основой наших рассуждений является тезис об автономии индивидуального сознания и воли. Эта автономия предполагает вторичность социальных институтов по отношению к личности, существование которой имеет объективный, а не конвенциональный характер. В связи с этим мы сознательно отказываемся от рассмотрения аргументов, основанных, например, на религиозных или схожих с ними представлениях, по причине их заведомой нефальсифицируемости. Так, мы не можем считать рациональными аргументы, что обязательство человека перед государством является следствием проявления божественной воли, народного духа, исторической необходимости и т.д., по той причине, что такие утверждения принципиально невозможно опровергнуть.

По этой же причине мы встаем на позиции методологического индивидуализма, предполагающего, что любое высказывание о социальном явлении, институте и т.д. является осмысленным в той мере, в которой оно может быть сведено к высказыванию об индивидах. Например, формулировка «мы, многонациональный народ» имеет содержание, отражающее реальность, только в том случае, если ее можно сформулировать в таком виде, как «все лица, находящиеся на данной территории», или «лица, принимавшие участие в голосовании», или еще каким-либо образом, позволяющим конкретизировать перечень индивидуальных субъектов, формирующих общность «многонациональный народ». Это замечание имеет принципиальное значение, поскольку существует опасность подмены понятий в рассуждениях, например, когда обязанность подчиняться отдельного индивида

¹⁰ Наиболее последовательное изложение точки зрения см.: *Simmons A.J.* Op. cit.

¹¹ Критику позиции см., напр.: *Dagger R.* *Philosophical Anarchism and its Fallacies: A Review Essay* // *Law and Philosophy*. Vol. 19. № 3. 2000. P. 391–406.

¹² Философский анархизм при этом, безусловно, допускает и альтернативные формы политической организации общества. Кроме того, политическое обязательство представляет собой лишь обязанность подчиняться требованиям создаваемых государством норм. Таким образом, отрицание такой обязанности само по себе не означает отрицания обязанности подчиняться каким-либо социальным нормам вообще. Об этом см., напр.: *Anarchy and the Law: The Political Economy of Choice*. New Brunswick, 2007.

выводится из волеизъявления «народа», под которым в действительности понимается относительное большинство лиц, принимавших участие в той или иной процедуре голосования в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, мы можем сформулировать ряд требований, которым должна отвечать адекватная теория политического обязательства.

Прежде всего она не должна входить в противоречие с идеей автономии человеческой личности. Сама категория обязательства напрямую связана с концепцией свободы воли, позволяющей это обязательство принять. Человек не может иметь обязательства в собственном смысле слова, если он не несет индивидуальную ответственность за свои действия. А нести ответственность он может только в том случае, если он индивидуально свободен. Таким образом, политическое обязательство должно быть совместимо с автономией индивида.

Помимо этого, адекватная теория политического обязательства должна носить общий характер. Она должна обосновывать наличие обязанности подчиняться у всех (или подавляющего большинства) субъектов, находящихся на территории всех (или подавляющего большинства) государств. В случае если она обосновывает обязанность только некоторых субъектов, она не раскрывает основного вопроса, так как фактически государственная власть и принуждение распространяются на всех¹³.

Кроме того, теория должна быть достаточной для обоснования легитимности выполнения государством всех основных функций в том виде, в котором они фактически существуют¹⁴. Данное требование связано с тем, что значительная часть аргументов позволяет обосновать обязанность подчинения только узкой группе требований норм права. Это в свою очередь делает невозможным существование государства в его современном виде¹⁵.

Также теория должна решать проблему партикулярности, т.е. объяснять, почему обязательство индивида существует по отношению к *конкретному* государству¹⁶.

Адекватная теория политического обязательства должна удовлетворять всем требованиям одновременно, поскольку очевидно, что соответствие одному требованию совершенно не означает соответствия другому.

Сделав ряд необходимых замечаний, мы переходим к рассмотрению современных теорий политического обязательства.

Группа ассоциативных теорий¹⁷

Ассоциативные теории политического обязательства определяют обязанность подчиняться закону через указание на связь индивида с тем обществом, в рамках

¹³ См.: *Klosko G. Multiple Principles of Political Obligation // Political Theory. Vol. 32. № 6. 2004. P. 803.*

¹⁴ Джордж Клоско называет это требованием «сложности» теории. См.: *Klosko G. Political Obligations. N.Y., 2005. P. 12.*

¹⁵ Так, например, теория естественного долга справедливости с трудом объясняет необходимость подчиняться требованиям морально нейтральных норм.

¹⁶ См.: *Simmons A.J. Op. cit. P. 31–35.*

¹⁷ См., напр.: *Horton J. Political Obligation. Houndmills, 1992; Id. In Defense of Associative Political Obligations: Part One // Political Studies. Vol. 54. 2006. P. 427–43; Id. In Defense of Associative Political Obligations: Part Two // Political Studies. Vol. 55. 2007. P. 1–19* и др.

которого он существует. В рамках группы ассоциативных теорий можно выделить несколько типов аргументов.

Первое направление аргументации связывает возникновение политического обязательства с процессом становления личности в рамках государственно-организованного общества с действующей правовой системой. В процессе социализации индивид сталкивается с тем, что окружающие его люди ожидают от него определенного типа поведения (в частности — подчинения требованиям правовых норм). Совокупность этих взаимных ожиданий в обществе создает необходимость вести себя в соответствии с требованиями государства¹⁸.

Однако для того, чтобы подобное ожидание могло порождать для индивида какие-либо обязанности, оно должно быть каким-либо образом обосновано, так как очевидно, что не все, что один индивид (или группа) ожидает от другого, порождает для последнего какие-либо обязанности. Таким образом, этот подход к решению вопроса в действительности возвращает нас к вопросу: что именно делает ожидание моего подчинения обоснованным? Кроме того, не ясно, почему именно этот тип ожидаемого поведения должен быть подкреплен возможностью применения мер принуждения? Как указывают исследователи, не следует вообще смешивать понятие «разумное ожидание» и обязательства. Например, Иммануил Кант имел привычку прогуливаться в одно и то же время. Он делал это с такой пунктуальностью, что местные жители могли сверять по его прогулкам часы. Следовательно, можно считать обоснованным со стороны местных жителей ожидание очередной прогулки Канта в привычное время. Но из этого совершенно не следует обязательность такой прогулки для самого Канта и чье-либо право требовать ее совершить¹⁹.

Также трудно согласиться с самой идеей, что окружающие действительно ожидают именно подчинения закону. Значительно более убедительным представляется предположение, что окружающие ожидают определенного конвенционально принятого поведения, которое требованиям закона соответствует лишь *de facto*. Например, сограждане ожидают, что индивид воздержится от насильственных действий, а не что он будет соблюдать норму закона, запрещающую совершение насильственных действий. В таком случае эти ожидания могут быть удовлетворены даже лицом, никоим образом не соотносящим свое поведение с требованиями закона.

Помимо этого, возникает проблема с определением понятия «общество, ожидающее от индивида подчинения требованиям национального государства». Совершенно очевидно, что в данном случае имеет место чрезмерное обобщение. Кто именно ожидает от индивида подчинения? Говоря о современном обществе, мы предполагаем неоднородную совокупность индивидов, которым присущи различные представления о должном. Соответственно, и совокупность ожиданий применительно к представителям разных социальных, этнических, религиозных и прочих групп будет разной. Можем ли мы всерьез утверждать, например, что представители коренных народов Крайнего Севера, руководствующиеся в своей жизни, прежде всего, локальными обычаями и традициями, существуют в той же «матрице ожиданий», что и жители Москвы? Очевидно, что типичные формы поведения,

¹⁸ См., напр.: *Gilbert M.A. Theory of Political Obligation: Membership, Commitment, and the Bonds of Society*. Oxford, 2006.

¹⁹ См.: *Wyckoff J.* In Defense of Philosophical Anarchism. Unpublished PhD Thesis. 2009. P. 126.

характерные для конкретной группы, в рамках которой проходит социализация индивида, носят локальный характер и не могут обосновывать общую обязанность подчиняться требованиям национального законодательства. Необходимая в рамках данной аргументации степень однородности и целостности социума попросту не может быть присуща современному обществу.

Другое направление в рамках ассоциативных теорий акцентирует внимание на том, что политическое обязательство является составной частью самой личности каждого индивидуума²⁰. Отрицая политическое обязательство, мы отрицаем часть своей самоидентификации как члена общества. Однако и этот подход вызывает ряд вопросов. Почему мы должны полагать, что обязанность следовать предписаниям государства является существенной частью нашей самоидентификации? Наше согласие с *содержанием* требований государства не тождественно нашему согласию с самим фактом требования. Так, если мы считаем необходимым воздерживаться от причинения вреда окружающим, то воспроизведение этих установок в действующем законодательстве никоим образом не влияет на наше мировосприятие и поведение — мы лишь *de facto* действуем в соответствии с законом, не имея с этим законом никакой индивидуальной связи.

Кроме того, можем ли мы утверждать, что лицо, не соблюдающее требования государства, каким-либо образом искажает свою идентичность? Например, очевидно, что человек, считающий себя игроком в футбол, но отрицающий правила футбола, противоречит сам себе. Однако можем ли мы утверждать то же самое в отношении лица, превышающего скорость на безлюдной автотрассе или осуществляющего безбилетный проезд и одновременно считающего себя членом общества? Полагаем, что здравый смысл заставляет нас ответить на этот вопрос отрицательно. Да и сам факт существования значительного числа лиц, ставящих под сомнение наличие у них политического обязательства по отношению к государству, уже означает, что обязанность подчиняться закону не входит в структуру их идентичности.

Следует учесть, что ассоциативный подход в целом ушербен также и потому, что он либо не дифференцирует типы государств, в отношении которых может существовать политическое обязательство, либо заведомо не отвечает на поставленный вопрос. Мы имеем в виду следующее: политическое обязательство не зависит, с точки зрения данного подхода, от взаимоотношений человека с государством, оно зависит лишь от идентичности человека и его места в социуме. Следовательно, политическое обязательство должно существовать в равной степени как в отношении наиболее гуманных, цивилизованных, демократических и т.д. государств, так и в отношении самых дичайших форм тоталитарных режимов, подчинение требованиям которых вряд ли можно считать не только морально обязательным, но и морально оправданным.

Если же сторонник ассоциативной теории выдвигает более гибкий тезис о необходимости подчиняться только легитимному государству, то это возвращает нас в самое начало рассуждений, поскольку ставит перед нами вопрос о том, какое государство является легитимным, т.е. по отношению к каким государствам может существовать политическое обязательство.

²⁰ См., напр.: Charvet J. Political Obligation: Individualism and Communitarism // On Political Obligation. L., 1990. P. 65–88.

Ассоциативные теории не объясняют причину, по которой требованиям национального права должны подчиняться *все* лица, находящиеся на территории государства. Например, иностранные туристы вряд ли могут в рамках этой теории быть обязанными подчиняться закону, так как очевидно, что они не являются членами того политического сообщества, которое порождает необходимость такого подчинения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что ассоциативные теории в лучшем случае объясняют природу социальных, «горизонтальных» обязательств индивидов по отношению к другим членам общества, но не предоставляют аргументов для обоснования политических, «вертикальных» обязательств.

Теории честной игры исходят из необходимости обеспечения равного участия всех субъектов в реализации социально значимых функций²¹. Иначе говоря, политическое обязательство является способом устранения проблемы «безбилетника», пользующегося предоставляемыми государством благами, но не вносящего свой вклад в поддержание институтов, гарантирующих эти блага. Так, например, индивид получает выгоду от того, что окружающие подчиняются запрету норм права на причинение вреда другим лицам, и вследствие этого у индивида возникает обязанность точно так же подчиниться этому требованию.

Хрестоматийным контраргументом является пассаж Роберта Нозика, содержащийся в его работе «Анархия, государство и утопия»: «Представим себе, что некоторые ваши соседи (всего их 364 взрослых человека) придумали сеть общественных репродукторов и решили создать систему общественных развлечений. Они вывешивают список имен, по одному на каждый день, включая ваше. В назначенный день (можно меняться с другими) человек должен дежурить по сети, выступать в качестве диджея, сообщать о новостях, рассказывать анекдоты и т.п. Через 138 дней, в каждый из которых кто-то был дежурным, пришел и ваш черед. Обязаны ли вы принять в этом участие? Вы *получали* выгоду от этого, время от времени открывали окно послушать, наслаждались музыкой, иногда смеялись над шутками. Другие люди *на деле* активно участвовали в этом проекте. Но обязаны ли вы откликнуться на призыв, когда настанет ваша очередь? Конечно, нет. Хотя вы получаете пользу от этой затеи, вы можете определенно знать, что 364 дня развлечений, которые устраивают другие, не стоят того, чтобы вы пожертвовали *один день*»²².

Из этого примера вытекает ряд аргументов, делающих теорию честной игры практически несостоятельной. Во-первых, следует различать фактическое получение благ и их добровольное принятие. Мы не можем утверждать, что лицо участвует в некоем коллективном проекте только на том основании, что оно получает от существования этого проекта выгоду. У лица, например, могло не быть возможности отказаться от получения этой выгоды (как в примере Нозика, так и в случае с условными выгодами от государства цена отказа от получения этих выгод делает этот отказ бессмысленным). Таким образом, мы либо должны считать, что другие

²¹ См., напр.: *Arneson R.J.* The Principle of Fairness and Free-Rider Problems // *Ethics*. Vol. 92. № 4. 1982. P. 616–633; *Hart H.L.A.* Are there any Natural Rights? // *Philosophical Review*. Vol. 64. 1955. P. 175–191; *Klosko G.* The Obligation to Contribute to Discretionary Public Goods // *Political Studies*. Vol. 38. № 2. 1990. P. 196–214; *Rawls J.* Legal Obligation and the Duty of Fair Play // *Law and Philosophy*. N.Y., 1964. P. 3–18; *Id.* The Justification of Civil Disobedience // *Civil Disobedience: Theory and Practice*. N.Y., 1969. P. 240–255 и др.

²² *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008. С. 127.

лица имеют право определять для индивида те проекты, в которых он должен принимать участие, но в таком случае мы не объясняем политическое обязательство, а констатируем его. Либо мы должны признать, что только добровольное участие в проекте обязывает индивида вносить свой вклад в его реализацию, — но тогда мы не можем аргументировать обязанность всех лиц подчиняться требованиям государства, так как ясно, что существование в огосударвленном обществе не является вопросом добровольного *выбора*.

Во-вторых, рациональному индивиду свойственно взвешивать пользу от того или иного проекта и издержки, которые он вынужден будет понести. Представляется очевидным, что принцип честной игры может работать только в том случае, если польза от подчинения закону для всех индивидов будет выше, чем издержки. Однако это фактически недоказуемо. «Даже если допустить, что все хотели бы наслаждаться благами, предоставляемыми государством, точно так же, как мы все хотели бы заполучить блага, выставленные в продуктовом отделе Хэрродс, из этого не следует, что мы готовы заплатить ту цену, которую за них требуют»²³.

В-третьих, существует значительная диспропорция между пользой, получаемой различными индивидами от существования в государственно-организованном обществе. Если воспользоваться примером Нозика, то можно указать, что одни люди живут в непосредственной близости от репродуктора, другие — на значительном отдалении, не позволяющем наслаждаться остроумием ведущего. Кроме того, некоторые люди могут вообще предпочитать тишину. Даже если представить себе, что «нетто» полезности государства для всех индивидов имеет положительное значение, то из этого не следует, что это значение является равным для всех. Для некоторых оно будет столь незначительным, что мы не сможем говорить о принципе честности, так как подчинение закону требуется в равной мере от всех, а выгоду из этого подчинения индивиды извлекают в разных масштабах.

В-четвертых, индивид может считать, что ресурсы, затрачиваемые на реализацию проекта «государство», следовало бы потратить на что-либо более полезное. Стремясь максимизировать полезность, индивид может желать организации политической жизни общества на совершенно иных принципах, в рамках которых отсутствует необходимость подчинения закону. Для индивида эти альтернативные формы могут приносить большую пользу «нетто», чем государство. Однако фактически существование государства заведомо исключает возможность реализации этих чаяний. Можем ли мы считать, что подобный индивид обладает обязанностью подчиняться требованиям государства, если это подчинение ведет к все меньшей вероятности реализации его собственного проекта? Можем ли мы считать, что он поступает нечестно, когда отказывается участвовать в этом проекте потому, что предлагает другой, возможно более эффективный? Эти «конкурирующие» проекты являются принципиально равноценными — разница заключается только в том, что один из них фактически реализуется как единственно доступный вследствие наличия у государства аппарата принуждения.

Наконец, открытым остается вопрос, действительно ли хотя бы простое большинство граждан любого отдельно взятого государства рассматривает последнее в качестве собственного коллективного проекта, а нарушителя норм права — в каче-

²³ Wolff J. Political Obligation, Fairness and Independence // Ratio. № 8. P. 95.

стве «безбилетника»? Действительно ли большая часть сограждан считает, например, человека, переходящего дорогу в неполюженном месте (а также лицо, незаконно владеющее оружием, занимающееся сводничеством и пр.), «безбилетником», бесплатно пользующимся благами, за которые платят они?

Таким образом, следует заметить, что реализация принципа честной игры возможна только при условии пренебрежения интересами тех лиц, которые не видят необходимости в существовании государства и позитивного права. Теория на деле опирается на идею о фактической возможности принуждения к подчинению закону, что, как мы понимаем, не является обоснованием существования обязанности ему подчиняться.

Теории справедливости

Существует несколько типов теорий справедливости.

Первый вариант аргументации²⁴ состоит в идее, что в отсутствие государства люди не смогут вести нормальную жизнь, поскольку конфликты не будут разрешаться мирным способом и в обществе установится беспорядок. Отсюда постулируется необходимость существования государства, следовательно, необходимость каждого подчиняться государству и законам. Проблема заключается прежде всего в том, что само понятие «необходимость» привязано к определенной внешней системе ценностей, т.е. необходимость существует для чего-то. Вне целей, которые мы ставим перед собой, необходимость как таковая отсутствует. Кроме того, действительно необходимым конкретный способ достижения цели (например, общественного порядка) может являться только в том случае, если все остальные способы принципиально не могут позволить этой цели достичь. Соответственно, если мы говорим о политическом обязательстве как необходимости, мы должны утверждать, что абсолютно всем людям свойственно желание существовать в рамках определенным образом упорядоченного общества и что достичь этой цели невозможно вне государства и создаваемого им права.

На поверхности лежат как минимум три проблемы. Во-первых, мы приписываем (и *предписываем*) другим людям желания, которые мы сами считаем верными. Говоря в таком случае о наличии политического обязательства, мы утверждаем, что все люди *должны* желать одного и того же. Если допустить, что не всякий человек желает достичь той цели, для реализации которой существует механизм политического обязательства (например, общественного порядка), то и необходимость в самом политическом обязательстве исчезает.

Во-вторых, описывая желаемое состояние урегулированности отношений, мы на деле связаны действительностью: поскольку мы знаем только состояние упорядоченности, фактически существующее в государственном обществе, мы рассматриваем его как идеал (т.е. текущее состояние дел мы называем порядком) и уже с этой точки зрения критикуем альтернативные способы регуляции общественных отношений. В то же время очевидно, что этот идеал обусловлен самими характеристиками государства. Иными словами, мы действуем так же, как субъект,

²⁴ См., напр.: *Anscombe E. On the Source of the Authority of the State // Authority. N.Y., 1990. P. 142–173; Honore T. Must We Obey? Necessity as a Ground of Obligation // Virginia Law Review. Vol. 67. № 1. 1981. P. 39–61 и др.*

объявляющий конкурс на выполнение работ или предоставление услуг и заведомо формулирующий требования к исполнителю таким образом, чтобы исключить всех возможных исполнителей, кроме одного²⁵.

В-третьих, утверждение, что только государство и позитивное право являются единственно возможными способами достижения цели общественного порядка, является как теоретически, так и исторически беспочвенным. Всем известны примеры обществ, существовавших и существующих без государственной власти. Оценка степени эффективности выполнения различных функций в подобном обществе зависит от ценностных установок и целей конкретных индивидов, от их собственных критериев.

Фактически существующая в наши дни монополия государства является следствием *политических* процессов, имеющих весьма конкретные исторические причины, а не теоретической невозможности существования альтернативных форм общественного устройства. Доминирование национальных государств на мировом политическом пространстве продолжается на сегодняшний день не более трех веков, и наивно было бы утверждать безальтернативность этого явления²⁶. Кроме того, открытым остается вопрос о действительной эффективности существующих государств с точки зрения выполнения ими общественно значимых функций.

Другой тип аргументации указывает на существование «естественного долга справедливости», состоящего в естественной обязанности каждого человека максимизировать справедливость, а также защищать институты, способствующие ее поддержанию (в данном случае — государство и право)²⁷. Данная группа аргументов порождает целый ряд проблем.

Прежде всего довольно абстрактным является само понятие справедливости — представления о его содержании разнятся. В таком случае решение о подчинении требованиям права будет принимать каждый отдельный индивид в зависимости от собственной точки зрения и на справедливость, и на то, способствует ли государство и право ее поддержанию.

Из этого следует, что политическое обязательство должно носить условный характер, т.е. подчинения требуют не все нормы, а только те, которые направлены на достижение справедливости. Однако, во-первых, государство не дифференцирует нормы с точки зрения их обязательности²⁸. Во-вторых, существует значительное число совершенно нейтральных норм, никоим образом не связанных с категорией

²⁵ Для очевидности приведем классическое возражение сторонников государства, состоящее в том, что децентрализованная политическая система не сможет, например, обеспечить поддержание существующей динамики экономического развития или научного прогресса. Однако для того, чтобы этот аргумент работал, нам требуется сначала признать безусловную ценность таких задач, что, естественно, невозможно.

²⁶ Анализ исторического процесса вытеснения национальным государством иных форм политической власти см., напр.: *The Formation of National States in Western Europe* / Ed by C. Tilly. Princeton, 1975. О монополизации насилия на международном уровне см.: *Thomson J.E. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns*. Princeton, 1994.

²⁷ См., напр.: *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge, 1971; *Waldron J. Special Ties and Natural Duties* // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 22. № 1. 1993. P. 3–30.

²⁸ Отметим на всякий случай, что диспозитивные нормы являются обязательными в той же мере, что и императивные. Рекомендательные нормы не требуют подчинения и не охватываются политическим обязательством.

справедливости, которые в любом случае рассматриваются государством в качестве обязательных.

Кроме того, обязаны ли мы поддерживать институты, которые одновременно и поддерживают справедливость, и снижают ее уровень или ведут иную аморальную деятельность? Например, создают эффективную систему национального права, но ведут при этом грабительские войны или подавляют с помощью насилия протесты против применяемых способов достижения справедливости. Обязаны ли мы поддерживать институты, которые хотя и ставят своей целью достижение справедливости, но сами возникли в результате насильственных действий? Если нет, то в большинстве случаев мы вынуждены отказаться от рассмотрения государства в качестве института, уполномоченного требовать от нас поддержки. Если мы отвечаем на эти вопросы положительно, то достаточно трудно говорить о справедливости применительно к таким институтам вообще.

Наиболее серьезной является проблема партикулярности: даже если признать, что каждый имеет естественную обязанность поддерживать справедливость, то совершенно неясными остаются причины, по которым каждый должен это делать именно посредством подчинения законам конкретного государства. Например, субъект может считать, что наибольший вклад в достижение справедливости будет достигнут им путем подчинения законам государства, к которому он не имеет никакого отношения (но которое, по его мнению, делает значительно больше для поддержания справедливости), так как *естественные* требования справедливости одинаково сильно связывают лицо с любыми субъектами независимо от их территориального расположения. Тезис, что именно государство и создаваемые им нормы являются наиболее эффективным способом достижения справедливости, является сугубо оценочным утверждением. Кроме того, в обществе существует значительное число организаций, целью которых является поддержание или восстановление справедливости (например, правозащитные), — почему в таком случае из всех этих структур индивид должен выбрать именно государство и создаваемые им нормы для подчинения?

Таким образом, теории естественного долга требуют бесосновательного принятия слишком большого числа аксиоматических утверждений для того, чтобы аргументация в пользу существования политического обязательства являлась как минимум адекватной. Однако принятие совокупности этих утверждений само по себе заведомо предполагает согласие с наличием политического обязательства, что лишает эти теории объяснительного значения.

К транзакционным теориям политического обязательства следует отнести договорную теорию, теорию согласия, теорию благодарности. Группа транзакционных теорий находит общее основание в идее, что обязанность подчиняться закону порождается теми или иными формами взаимодействия индивида с другими индивидами или государством. Для всех теорий, относящихся к этой группе, существенное значение имеет то, что делает индивид, или то, что в отношении него делают иные коллективные или индивидуальные субъекты.

Договорная теория политического обязательства является порождением мысли эпохи Просвещения. Ее революционный смысл состоял в смене дискурса рассуждений о власти: политическая структура общества, начиная с периода раннего Нового времени, воспринималась уже не как порождение божественного прови-

дения, но как плод деятельности автономных разумных индивидов, обладающих правом на самоуправление.

Классическими вариантами теории являются концепции Гоббса и Руссо. Тем не менее, в них присутствуют элементы теории согласия (поскольку договор мыслится ими скорее как символ конвенционально принятой политической системы, а не как реальный практический механизм поддержания лояльности²⁹). Договорная теория в своем завершенном виде основывает политическое обязательство на *единогласно* принятом гражданами решении, что порождает обязанность для каждого следовать этому решению³⁰.

Очевидно, что даже если это и возможно в принципе, то фактически никакого общественного договора, охватывающего всех лиц и отражающего их единогласное решение, не существует. Таким образом, хотя эта теория и позволяет объяснить саму потенциальную возможность существования политического обязательства, в современных условиях она практически неприменима, так как требует принципиальной ликвидации государства и дробления политических сообществ. В этих условиях сама проблема политического обязательства утрачивает смысл³¹.

В соответствии с *теорией согласия* обязанность подчиняться возникает из наших действий, свидетельствующих о согласии на подчинение. Существует два подвиды этой теории: теория реального согласия и теория гипотетического согласия. В первом случае речь идет о действительном согласии реальных субъектов, которое может быть явно выраженным или подразумеваемым. Во втором случае мы говорим о согласии, которое бы выразили полностью рациональные люди, если бы таковые существовали³².

Проблематичность *явно выраженного согласия* очевидна: оно не выдерживает столкновения с реальностью, так как количество случаев, позволяющих говорить о том, что лицо выразило свое явное согласие на подчинение законам, стремится к нулю³³. Теория хотя и предлагает интуитивно понятную логику возникновения обязательства, но не обосновывает легитимность требований, предъявляемых фактически существующим государством ко всем лицам, находящимся на его территории³⁴.

²⁹ Об этом см.: Hampton J. The Contractarian Explanation of the State // Midwest Studies in Philosophy. Vol. 15. № 1. Minneapolis, 1990. P. 344–371.

³⁰ Напомним, что речь не может идти о договоре большинства, поскольку он по определению нарушает автономию личности. Кроме того, договор по той же причине не может носить наследственного характера, т.е. решения, принятые конкретными лицами, не могут автоматически вызывать юридически значимые последствия для других лиц, например потомков.

³¹ См.: Wolff R.P. Op. cit. P. 26.

³² Эта же логика служит и для определения сферы неправомерного поведения: «Действие является неправомерным, если его совершение в тех или иных условиях было бы запрещено любой системой правил поведения, которую бы ни один рациональный субъект не отверг в качестве основы разумного, добровольного соглашения». Scanlon T.M. Contractualism and Utilitarianism // Utilitarianism and Beyond. Cambridge, 1982. P. 110.

³³ Хотя следует отметить, что такие случаи, тем не менее, имеют место. Одним из наиболее ярких примеров может служить принесение присяги Президентом Российской Федерации, текст которой недвусмысленно свидетельствует о выражении им намерения соблюдать требования Конституции Российской Федерации.

³⁴ Тем не менее, она обосновывает *потенциальную возможность* существования политического обязательства. Поэтому некоторые авторы, отрицающие *фактическую* легитимность современных

Сторонники *подразумеваемого согласия* пытаются обойти данную проблему посредством указания на действие или бездействие, которые могут быть рассмотрены в качестве формы молчаливого принятия на себя обязательств. К таким обычно относят добровольное пребывание на территории государства³⁵, участие в выборах³⁶ и несопротивление³⁷.

В действительности, однако, в современных государствах сопротивление отдельного индивида (а именно обязательство отдельного индивида, а не коллективного субъекта является предметом рассмотрения), во-первых, практически невозможно ввиду несопоставимости ресурсов человека и государства. Во-вторых, рациональный субъект может отказаться от сопротивления принуждению в силу инстинкта самосохранения и практической бессмысленности подобных действий. Такое поведение вряд ли может быть рассмотрено в качестве формы выражения согласия в собственном смысле этого слова. Во всяком случае, это не более чем вынужденная мера в отсутствие реальных альтернатив.

В-третьих, с точки зрения государства совершенно безразлично, по каким причинам субъект оказывает сопротивление его требованиям и не выражает ли он тем самым свое несогласие с существующей формой политической организации. В любом случае подобное поведение будет расценено как противоправное. Таким образом, сопротивление отдельно взятого лица равным счетом ничего для него не меняет, т.е. выражение несогласия не приводит к исключению индивида из сферы действия права. Следовательно, понятие «согласие» теряет всякий смысл.

По той же причине участие в выборах не может считаться формой выражения согласия, так как отказ от участия в выборах не приводит к исключению индивида из сферы юрисдикции государства. При этом лицо в любом случае будет вынуждено испытывать последствия тех или иных результатов избирательной процедуры³⁸. Следовательно, гражданин может принимать участие в выборах в том числе и для того, чтобы по возможности минимизировать для себя и окружающих негативные эффекты функционирующего политического устройства. Таким образом, участие в выборах в значительном числе случаев может являться как раз следствием несогласия.

Пребывание на территории государства не является свидетельством согласия по ряду причин. Прежде всего, для того чтобы рассматривать его в таком качестве, нам следует заранее признать легитимный характер территориальных претензий государства, что автоматически означало бы признание права государства на нор-

государств, являются сторонниками этой теории. См., напр.: *Simmons A.J.* Op. cit.; отчасти *Somin I.* *Revitalizing consent* // *Harvard Journal of Law and Public Policy*. Vol. 23. № 3. 2000. P. 754–805.

³⁵ См. у Платона: «О том же из вас, кто остается, зная, как мы судим в наших судах и ведем в Государстве прочие дела, мы уже можем утверждать, что он на деле согласился выполнить то, что мы велим». *Платон*. Указ. соч. С. 131. Наиболее развернутое обоснование обязательства через пребывание на территории см.: *Beran H.* *The Consent Theory of Political Obligation*. N.Y., 1987. Следует отметить, однако, что концепция Бирэна включает в себя довольно радикальный набор прав индивидов и коллективных образований на сепарацию и самоуправление, совершенно несовместимый с реалиями современных государств.

³⁶ См.: *Partridge P.H.* *Consent and Consensus*. L., 1971; *Pateman C.* *The Problem of Political Obligation*. N.Y., 1979; *Singer P.* *Democracy and Disobedience*. N.Y., 1974 и др.

³⁷ Классический пример — теория Локка.

³⁸ См.: *Wellman C.H.* *A Defense of Secession and Political Self-Determination* // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 24. 1995. P. 154.

мотворчество в этих границах. Таким образом, в качестве посылки использовался бы вывод, т.е. этот аргумент работает только в случае заведомого согласия с требованиями государства, тогда как именно их легитимность и ставится под сомнение.

Кроме того, фактически существующая политическая картина мира исключает возможность выбора между огосударствленным и неогосударствленным существованием³⁹. Речь может идти только о смене государства проживания, следовательно, сам акт выбора конкретного государства ничего не говорит о принципиальном согласии с государственностью как таковой, так как все современные государства предъявляют принципиально схожие требования к своим резидентам. Следует также отметить, что и состояние гражданства тем более не свидетельствует о согласии, поскольку в большинстве случаев субъекты приобретают его автоматически, выход же из гражданства не исключает индивида из сферы действия правовых норм. К тому же существующая политика сокращения безгражданства зачастую вообще ликвидирует возможность приобретения статуса апатрида вне чрезвычайных обстоятельств.

Наконец, совершенно неясно, каким образом свое согласие выражает, например, иностранный гражданин или апатрид, незаконно проникающий на территорию государства. С точки зрения теории подразумеваемого согласия, такое лицо, попадая на территорию государства, выражает тем самым свое молчаливое согласие подчиняться законам этого государства. Однако очевидно, что это не так, поскольку само его проникновение на территорию связано с добровольным нарушением как минимум миграционных правил, что свидетельствует о нежелании им подчиняться. Кроме того, любое государство фактически может заблаговременно запретить лицу въезд на свою территорию. Тогда непонятно, откуда у государства возникает такое право, поскольку в рамках рассматриваемой модели лицо должно было выразить согласие на такой запрет, находясь еще за пределами территории рассматриваемого государства⁴⁰.

Кроме того, существует еще одно очевидное, но трудновыполнимое в контексте политического взаимодействия требование к подразумеваемому согласию — оно в любом случае должно свидетельствовать о намерении индивида, т.е. лицо должно сознательно *выразить* действием или бездействием свое согласие. Действие или бездействие, лишенное такой «субъективной стороны», в качестве формы выражения согласия рассмотрено быть не может. Таким образом, при молчаливом согласии требуется наличие условий, позволяющих говорить, что сам акт согласия имел место. Если лицо не имело возможности выразить свою позицию, нельзя вести речь о согласии⁴¹. Признание возможности неосознанного согласия означает нарушение логики самого аргумента, который возможность существования политического обязательства ставит в зависимость от *добровольного* выражения согласия.

³⁹ О проблеме территориального характера государственной власти в этом контексте см.: *Brilmayer L. Consent, Contract, and Territory // Minnesota Law Review. Vol. 74. № 1. 1989. P. 1–35; Id. Secession and Self-Determination: A Territorialist Interpretation // Yale Journal of International Law. Vol. 16. 1991. P. 177–202.*

⁴⁰ См.: *Copp D. The Idea of a Legitimate State // Philosophy and Public Affairs. Vol. 28. № 1. 1999. P. 14.*

⁴¹ См.: *Simmons A.J. Op. cit. P. 80.*

В теории гипотетического согласия⁴² речь идет о согласии, которое бы выразили полностью рациональные люди, если бы они могли избавиться от фактической нехватки информации, собственных предубеждений и т.д.

Однако, во-первых, политическое взаимодействие — это всегда взаимодействие реальных людей, принципиально неповторимых и несводимых к стандартной схеме желаний, потребностей, интересов. Во-вторых, отсутствует объективный наблюдатель, способный определить, что именно является полностью рациональным типом поведения. Даже само представление о ценности рационального является личным предубеждением перед альтернативными способами мышления и мировосприятия, продиктованным конкретной культурно-исторической средой. Кроме того, этот вид теории согласия мы полагаем не соответствующим изначальной посылке транзакционных теорий, так как согласие абстрактного индивида не является формой реального действия конкретного лица, чью обязанность оно должно порождать⁴³.

Суть теории благодарности сводится к идее, что обязанность гражданина подчиняться требованиям государства вытекает из необходимости отблагодарить государство за те преимущества и выгоды, которые гражданин получает от существования в нем⁴⁴. Первый пример аргументации такого рода мы находим в платоновском диалоге «Критон»⁴⁵. На современном этапе ее разделяет незначительное число авторов, к которым можно отнести прежде всего А.Д.М. Уокера и отчасти Д. Клоско⁴⁶.

Недостатки подобной аргументации очевидны: даже если допустить, что субъект, получивший от другой стороны то или иное благо, должен отблагодарить эту сторону, из этого вовсе не следует, что другая сторона вправе определять форму и размер компенсации за оказанные ею в одностороннем порядке услуги. Однако в случае политического обязательства эта форма заранее predetermined — подчинение нормам права.

Контраргументом является тезис, что государство — это такой субъект, выразить благодарность которому по сути можно исключительно в форме подчинения.

⁴² Примеры теории см.: *Buchanan J.M.* The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago, 1975; *Buchanan J.M., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor, 1962; *Gauthier D.* Morals by Agreement. N.Y., 1986; *Scanlon T.M.* What We Owe To Each Other. Cambridge, 1998; *Stark C.A.* Hypothetical Consent and Justification // The Journal of Philosophy. Vol. 97. № 6. 2000. P. 313–334 и др.

⁴³ «Гипотетическое соглашение — это не просто бледная тень реального соглашения: это вообще не соглашение». *Dworkin R.* The Original Position // Reading Rawls. N.Y., 1976. P. 17–18.

⁴⁴ Не вдаваясь в детали, укажем, что данная теория весьма близка теории честной игры. Однако мы разграничиваем эти теории по следующей причине: в теории благодарности обязательство существует по отношению к государству за уже фактически предоставленные им блага, т.е. носит компенсационный характер. Теория честной игры акцентирует внимание на неравномерности участия граждан в деле, приносящем коллективную пользу, т.е. политическое обязательство существует скорее по отношению к другим гражданам.

⁴⁵ «Ну вот и рассмотри, Сократ, — скажут, вероятно, Законы, — правду ли мы говорим, что ты намереваешься поступить с нами несправедливо, замыслив теперь такое дело. Мы тебя родили, вскормили, воспитали, наделили всевозможными благами, и тебя, и всех остальных граждан». См.: *Платон.* Указ. соч. 51d. С. 130.

⁴⁶ См.: *Klosko G.* Political Obligations; *Walker A.D.M.* Political Obligation and the Argument from Gratitude // Philosophy and Public Affairs. Vol. 17. № 3. 1988. P. 191–211.

Во всяком случае, неподчинение законам подрывает саму государственность, следовательно, является выражением неблагодарности.

Однако это весьма неубедительный контраргумент. Во-первых, возникает вопрос о правомерности самого существования структуры, единственной задачей которой является принудительное предоставление выгод лицу с целью получения ответной благодарности в форме подчинения.

Во-вторых, спорной является идея о возможности монополизации предоставления тех или иных выгод. Очевидно, что ценность оказываемой услуги во многом зависит от ее качества, подлежащего сравнению с качеством других аналогичных услуг. Трудно говорить о благодарности за услугу, альтернативы которой заведомо ликвидированы лицом, эту услугу предоставляющим.

В-третьих, остается открытым вопрос о балансе ценности оказываемых государством услуг и их стоимости для потребителя. Невозможно говорить о долге благодарности в случае, если оказываемая услуга ставит субъекта в худшее положение. Кроме того, для оценки положительного воздействия имеет значение не только изолированный акт оказания услуги, но и все сопутствующие этому факторы. Например, оказание услуги обеспечения безопасности государством напрямую сопряжено с ограничением свободы поведения граждан. Очевидно, что сама по себе безопасность является ценностью. Однако эта ценность для конкретного субъекта может иметь меньшее значение, чем ценность неограниченной свободы. В таком случае результирующий показатель выгоды индивида от услуг государства будет носить отрицательный характер.

Таким образом, теория позволяет обосновать в лучшем случае совокупную полезность для всех индивидов, тогда как в каждом конкретном случае набор факторов оценки может быть разным. Поскольку политическое обязательство — это обязательство индивида, а не группы лиц, то совокупная полезность является не относящейся к вопросу величиной. Таким образом, государство принудительно оказывает услуги, которые конкретный индивид, возможно, предпочел бы не получать, если бы у него был выбор.

В-четвертых, долг благодарности не может возникнуть в случае, когда лицо оплатило предоставленные ему услуги. Так, нельзя сказать, что лицо, заплатившее частной медицинской клинике за оказание консультационных услуг, является еще чем-то ей обязанным, — факт оплаты сам по себе компенсирует оказанную услугу. В ситуации с государством субъекты оплачивают услуги, оказываемые последним, в форме налогов и сборов. За услуги, оказанные государством детям, так или иначе платят либо их родители, либо иные лица, и, таким образом, долг благодарности у детей существует не по отношению к государству, а по отношению к соответствующим лицам. Однако долг такого рода уже не относится к вопросу политического обязательства. Кроме того, даже если допустить, что лицо несет долг благодарности по отношению к государству за тот период, когда оно не платило установленные налоги и сборы, то очевидно, что подобному ограниченному периоду безвозмездного использования ресурсов государства не может соответствовать неограниченный период, в течение которого лицо должно компенсировать полученную выгоду.

В-пятых, исторически сама деятельность государства может ставить индивида в такое неблагоприятное положение, что выгода, приобретаемая им от существования в рамках государства, будет являться не более чем справедливой компенса-

цией за причиненный ему государством ущерб (например, жители современных государств так или иначе испытывают на себе негативные последствия войн, индустриализации и пр.).

В-шестых, долг благодарности не существует для индивида, который не приемлет сам способ оказания услуги или ее природу. Так, аболициониста нельзя считать находящимся в долгу у человека, заставившего своих рабов возделывать пашню аболициониста. Поэтому лицо, считающее деятельность государства аморальной, не является обязанным по отношению к последнему.

Кроме того, обязанность компенсировать оказанную услугу может существовать только в случае реального получения выгоды, однако нельзя сказать, что все субъекты получают ее в равной мере. Кроме того, некоторые лица могут ее вообще не получать, например, индивиды, ведущие маргинальный или отшельнический образ жизни. При этом требования государства распространяются на всех в равной мере.

Нельзя также приравнивать получение выгоды к возможности ее получения. Например, гражданин, в районе проживания которого действует благотворительная организация, бесплатно раздающая еду всем желающим, не может чувствовать себя обязанным по отношению к этой организации, если фактически не пользуется этим предложением. То же в равной мере относится и к возможности воспользоваться услугами, предоставляемыми государством.

Заключение

Подводя итог, следует сделать вывод, что на современном этапе наиболее аргументированной остается позиция противников политического обязательства⁴⁷. В свете этой позиции предпринимаются попытки сформулировать многоаспектную теорию политического обязательства, совмещающую в себе аргументы разных типов⁴⁸. Однако сам отстающий по отношению к критике характер аргументации сторонников политического обязательства свидетельствует о фундаментальных трудностях, с которыми сталкиваются попытки легитимации государственной власти. Эти трудности могут иметь не только теоретическое, но и вполне практическое значение.

XVIII век стал примером того, как сугубо умозрительные конструкции естественного права и общественного договора могут стать интеллектуальной основой масштабных революционных катаклизмов в рамках всей западной цивилизации. Мы полагаем, что отсутствие адекватной теории политического обязательства лишает национальное государство «теоретической устойчивости», делает его уязвимым по отношению к нарастающей критике. Эта уязвимость является либо следствием недостаточной внимательности к фундаментальным вопросам, либо симптомом грядущих грандиозных преобразований политической организации человеческого общества.

⁴⁷ Характерен факт, что профессор Оксфордского университета Лесли Грин в 1999 г. озаглавил одну из своих работ вопросом: «Кто верит в политическое обязательство?». *Green L. Who Believes in Political Obligation? // The Duty to Obey the Law: Selected Philosophical Readings. Lanham, 1999. P. 301–318.*

⁴⁸ Наиболее актуальной работой такого рода является: *Klosko G. Multiple Principles of Political Obligation.*